

Отрывок — текст 3 из 3

Комната в доме Марьи Александровны.

Марья Александровна
 , пожилых лет дама, и
 Михал Андреевич
 , ее сын.

Марья Александровна
 . Слушай, Миша, я давно хотела с тобою переговорить: тебе должно
 переменить службу.

Миша
 . Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна
 . Ты должен служить в военной.

Миша
 (вытаращив глаза).
 В военной?

Марья Александровна
 . Да.

Миша
 . Что вы, маменька? в военной?

Марья Александровна
 . Ну что ж ты так изумился?

Миша
 . Помилуйте, да разве вы не знаете: ведь нужно начинать с юнкеров?

Марья Александровна
 . Ну да, послужишь год юнкером, а потом произведут в офицеры, — уж это мое
 дело.

Миша
 . Да что вы нашли во мне военного? и фигура моя совершенно невоенная.
 Подумайте, матушка! Право, вы меня изумили такими словами совершенно,
 так что я, я... я просто не знаю, что и подумать... Я, слава Богу, и толстенок

немножко, а как надену юнкерский мундир с короткими хвостиками — совестно даже будет смотреть.

Марья Александровна

. Нет нужды. Произведут в офицеры, будешь носить мундир с длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, так что ничего не будет заметно. Притом это и лучше, что ты немножко толст, — скорее пойдет производство: им же будет совестно, что у них в полку такой толстый прапорщик.

Миша

. Но, матушка, ведь мне год, всего год осталось до коллежского асессора. Я уже два года, как в чине титулярного советника.

Марья Александровна

. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранит мои уши; мне так и приходит на ум Бог знает что. Я хочу, чтобы сын мой служил в гвардии. На штафирку просто не могу и смотреть теперь!

Миша

. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще в школе звали хомяком. В военной службе все же нужно, чтобы и на лошади лихо ездил, и голос бы имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию.

Марья Александровна

. Приобретешь, всё приобретешь. Я хочу, чтобы ты непременно служил; на это есть очень важная причина.

Миша

. Да какая же причина?

Марья Александровна

. Ну, уж причина важная.

Миша

. Все же таки скажите, какая причина?

Марья Александровна

. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьего дни у Рогожинских говорит, и нарочно так, чтобы я слышала. А я сижу третьею, передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина, и за княгиней Александриной сейчас я. Что бы, ты думал, эта негодная осмелилась говорить?.. Я, право, так и хотела встать с места; и если

б не княгиня Александрина, я бы не знаю, что я сделала. Говорит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штатских. Это такие всё, говорит, mauvais genre, чем-то неблагородным от них отзывается. Я рада, говорит, что мой Алексис не носит этого скверного фрака». И все это произнесла с таким жеманством, с таким тоном... так, право... я не знаю, что бы я сделала с нею. А ее сын просто дурак набитый: только всего и умеет, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша

. Как, матушка, так в этом вся причина?

Марья Александровна

. Да, я хочу назло, чтобы мой сын тоже служил в гвардии и был бы на всех придворных балах.

Миша

. Помилуйте, матушка, из того только, что она дура...

Марья Александровна

. Нет, уж я решилась. Пусть-ка она себе треснет с досады, пусть побесится.

Миша

. Однако ж...

Марья Александровна

. О! я ей покажу! Уж как она хочет, я употреблю все старанья, и мой сын будет тоже в гвардии. Уж хоть чрез это и потеряет, а уж непременно будет. Чтобы я позволила всякой мерзавке дуться передо мною и подымать и без того курносый нос свой! Нет уж, вот этого-то никогда не будет! Уж как вы себе хотите, Наталья Андреевна!

Миша

. Да разве этим вы ей досадите?

Марья Александровна

. О, уж этого-то не позволю!

Миша

. Если вы это требуете, маменька, я перейду в военную; только, право, мне самому будет смешно, когда увижу себя в мундире.

Марья Александровна

. Уж, по крайней мере, гораздо благороднее этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша

. За одним разом — и переменить службу и женить?

Марья Александровна

. Что же? Как будто нельзя и переменить службу и женить?

Миша

. Да ведь я и намеренья еще не имел. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна

. Захочешь, если только узнаешь на ком. Этой женитьбой доставишь ты себе счастья и в службе, и в семейственной жизни. Словом, я хочу женить тебя на княжне Шлепохвостовой.

Миша

. Да ведь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна

. Вовсе не первоклассная, а такая же, как и все другие. Прекрасная девушка; вот только что памяти нет: иной раз забывается, скажет невпопад; но это от рассеянности, а уж зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумает.

Миша

. Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово может связать, да и то такое, что только руки расставишь, как услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дело сердечное: нужно, чтобы душа...

Марья Александровна

. Ну, так! я вот как будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебе это не пристало, не пристало, я тебе двадцать раз уже говорила. Другому еще это идет как-то, а тебе совсем не идет.

Миша

. Ах, маменька, но когда и в чем я был непослушен вам? Мне уже скоро тридцать лет, а между тем я, как дитя, покорен вам во всем. Вы мне велите ехать туды, куды бы мне смерть не хотелось ехать, — и я еду, не показывая даже и вида, что мне это тяжело. Вы мне приказываете потереться в передней такого-то — и я трусь в передней такого-то, хоть мне это вовсе не по сердцу. Вы мне велите танцевать на балах — и я танцую, хоть все надо мною смеются и над моей фигурой. Вы, наконец, велите мне переменить службу — и я переменяю службу, в тридцать лет иду в юнкера; в тридцать лет я перерождаюсь в ребенка в угодность вам! И при всем том вы мне всякий день колете глаза либеральничеством. Не пройдет минуты, чтобы вы меня не

назвали либералом. Послушайте, матушка, это больно! Клянусь вам, это больно! Я достоин за мою искреннюю любовь и привязанность к вам лучшей участи...

Марья Александровна

. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либерал; и знаю даже, кто тебе все это внушает: все этот скверный Собачкин.

Миша

. Нет, матушка, это уже слишком, чтобы Собачкина я даже стал слушаться. Собачкин мерзавец, картежник и все что вы хотите. Но тут он невинен. Я никогда не позволю ему надо мною иметь и тени влияния.

Марья Александровна

. Ах, Боже мой, какой ужасный человек! я испугалась, когда его узнала. Без правил, без добродетели — какой гнусный, какой гнусный человек! Если бы ты знал, что такое он разнес про меня!.. Я три месяца не могла никуда носа показать: что у меня подают сальные огарки; что у меня по целым неделям не вытираются в комнатах ковры щеткою; что я выехала на гулянье в упряжи из простых веревок на извозничьих хомутах... Я вся краснела, я более недели была больна; я не знаю, как я могла перенести все это. Подлинно, одна вера в Провидение подкрепила меня.

Миша

. И этаким человек, вы думаете, может иметь надо мною власть? и думаете, я позволю?..

Марья Александровна

. Я сказала, чтоб он не смел мне на глаза показываться, и ты одним только можешь оправдать себя, когда без всякого упорства сделаешь княжне declaration сегодня же.

Миша

. Но, матушка, а если нельзя это сделать?

Марья Александровна

. Как нельзя, это почему?

Миша

(в сторону)

. Ну, решительная минута!..

(Вслух.)

Позвольте мне хотя здесь иметь свой голос, хотя в деле, от которого зависит

счастье моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюблен в другую?

Марья Александровна

. Это, признаюсь, для меня новость. Об этом я еще ничего не слышала. Да кто ж такая эта другая?

Миша

. Ах, маменька, клянусь, никогда еще не было подобной! Ангел, ангел и лицом и душою!

Марья Александровна

. Да чьих она, кто отец ее?

Миша

. Отец — Александр Александрович Одосимов.

Марья Александровна

. Одосимов? фамилия неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова... да что он, богатый человек?

Миша

. Редкий человек, удивительный человек!

Марья Александровна

. И богатый?

Миша

. Как вам сказать? Нужно, чтобы вы его видели. Таких достоинств души не сыщешь в свете.

Марья Александровна

. Да что он, как, в чем состоит его чин, имущество?

Миша

. Я понимаю, маменька, чего вы хотите. Позвольте мне на счет этот сказать откровенно мои мысли. Ведь теперь, как бы то ни было, может быть, во всей России нет жениха, который бы не искал богатой невесты. Всякий хочет поправиться на счет женина приданого. Ну, пусть еще в некотором отношении это извинительно: я понимаю, что бедный человек, которому не повезло по службе или в чем другом, которому, может быть, излишняя честность помешала составить состояние, — словом, что бы то ни было, но я понимаю, что он вправе искать богатой невесты; и, может быть, несправедливы бы были родители, если б не отдали должного его достоинствам и не выдали бы за него

дочери. Но вы посудите, справедлив ли человек богатый, который будет искать тоже богатых невест, — что ж будет тогда на свете? Ведь это все равно что сверх шубы да надеть шинель, когда и без того жарко, когда эта шинель, может быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нет, маменька, это несправедливо! Отец пожертвовал всем имуществом на воспитанье дочери.

Марья Александровна

. Довольно, довольно! Больше я не в силах слушать. Все знаю, все: влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом.

Миша

. Матушка...

Марья Александровна

. Отец — пьяница, мать — стряпуха, родня — кварташки или служащие по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпеть, терпеть от родного сына, для которого я не щадила жизни!.. Нет, я не переживу этого!

Миша

. Но, матушка, позвольте...

Марья Александровна

. Боже мой, какая теперь нравственность у молодых людей! Нет, я не переживу этого! клянусь, не переживу этого... Ах! что это? у меня закружилась голова!

(Вскрикивает.)

Ах, в боку колика!.. Машка, Машка, склянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокий сын!

Миша

(бросаясь)

. Матушка, успокойтесь! вы сами создаете для себя...

Марья Александровна

. И все это наделал этот скверный Собачкин. Я не знаю, как не выгонят до сих пор эту чуму.

Лакей

(в дверях)

. Собачкин приехал.

Марья Александровна

. Как Собачкин? Отказать, отказать, чтоб его и духу здесь не было!

Те же
и
Собачкин
.

Собачкин
. Марья Александровна! извините великодушно, что так давно не был.
Ей-Богу, никак не мог! Поверить не можете, сколько дел; знал, что будете
гневаться, право, знал...
(Увидя Мишу.)
Здравствуй, брат! Как ты?

Марья Александровна
(в сторону)
. У меня просто слов недостает! Каков? Еще извиняется, что давно не был!

Собачкин
. Как я рад, что вы, судя по лицу, так свежи и здоровы. А братца вашего как
здоровье? Я полагал, признаюсь, и его также застать у вас.

Марья Александровна
. Для этого вы бы могли отправиться к нему, а не ко мне.

Собачкин
(усмехаясь)
. Я приехал рассказать вам один преинтересный анекдот.

Марья Александровна
. Я не охотница до анекдотов.

Собачкин
. Об Наталье Андреевне Губомазовой.

Марья Александровна
. Как, об Губомазовой!..
(Стараясь скрыть любопытство.)
Так это, верно, недавно случилось?

Собачкин
. На днях.

Марья Александровна
. Что ж такое?

Собачкин

. Знаете ли, что она сама сечет своих девок?

Марья Александровна

. Нет! что вы говорите? Ах, какой страм! можно ли это?

Собачкин

. Вот вам крест! Позвольте же рассказать. Только один раз велит она виноватой девушке лечь, как следует, на кровать, а сама пошла в другую комнату, — не помню за чем-то, кажется за розгами. В это время девушка за чем-то выходит из комнаты, а на место ее приходит Наталья Андреевны муж, ложится и засыпает. Является Наталья Андреевна, как следует, с розгами, велит одной девушке сесть ему на ноги, накрыла простыней и — высекла мужа!

Марья Александровна

(всплеснув руками)

. Ах, Боже мой, какой страм! Как это до сих пор я ничего об этом не знала? Я вам скажу, что я почти всегда была уверена, что она в состоянии это сделать.

Собачкин

. Натурально! Я это говорил всему свету. Толкуют: «Примерная жена, сидит дома, занимается воспитанием детей, сама учит их по-аглицки!» Какое воспитанье! Сечет всякий день мужа, как кошку!.. Как мне жаль, право, что я не могу пробыть у вас подолее.

(Раскланивается.)

Марья Александровна

. Куда ж это вы, Андрей Кондратьевич? Не совестно ли вам, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла вас видеть, как друга дома; останьтесь! Мне хотелось еще с вами переговорить кое о чем. Послушай, Миша, у меня в комнате дожидается каретник; пожалуйста, переговори с ним. Спроси, возьмется ли он переделать карету к первому числу. Цвет чтобы был голубой с светлой уборкой, на манер кареты Губомазовой.

Миша уходит.

Я нарочно услала сына, чтобы переговорить с вами наедине. Скажите, вы, верно, знаете: есть какой-то Александр Александрович Одосимов?

Миша уходит.

Собачкин

. Одосимов?.. Одосимов... Одосимов... Знаю, есть где-то Одосимов; а впрочем, я могу справиться.

Марья Александровна
. Пожалуйста.

Собачкин
. Помню, помню, есть Одосимов — столоначальник или начальник отделения... точно, есть.

Марья Александровна
. Вообразите, вышла одна смешная история... Вы мне можете сделать большое одолжение.

Собачкин
. Вам стоит только приказать. Для вас я готов на все, вы сами это знаете.

Марья Александровна
. Вот в чем дело: мой сын влюбился, или, лучше, не влюбился, а просто зашло в голову сумасбродство... Ну, молодой человек... Словом, он бредит дочерью этого Одосимова.

Собачкин
. Бредит? А, однако ж, он мне ничего об этом не сказал. Да, впрочем, конечно, бредит, если вы говорите.

Марья Александровна
. Я хочу от вас, Андрей Кондратьевич, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинам.

Собачкин
. Хе, хе, хе! Да вы почему это думаете? А ведь точно! Вообразите: на масленой шесть купчих... может быть, вы думаете, что я с своей стороны как-нибудь волочился или что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмотрел! Да вот еще лучше: вы знаете того, как бишь его, Ермолай, Ермолай... Ах, Боже! Ермолай, вот что жил на Литейной, недалеко от Кирочной?

Марья Александровна
. Не знаю там никого.

Собачкин
. Ах, Боже мой! Ермолай Иванович, кажется, — вот хоть убей, позабыл фамилию. Еще жена его лет пять тому назад попала в историю. Ну, да вы знаете ее: Сильфида Петровна.

Марья Александровна

. Совсем нет; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкин

. Боже мой! он еще жил недалеко от Куропаткина.

Марья Александровна

. Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкин

. Да вы после припомните. Дочь, богачка страшная, до двухсот тысяч приданого; и не то чтобы с надуваньем, а еще до венца ломбардный билет в руки.

Марья Александровна

. Что ж вы? не женились?

Собачкин

. Не женился. Отец три дня на коленях стоял, упрашивал; и дочь не перенесла, теперь в монастыре сидит.

Марья Александровна

. Почему ж вы не женились?

Собачкин

. Да так как-то. Думаю себе: отец откупщик, родня — что ни попало. Поверите, самому, право, было потом жалко. Черт побери, право, как устроен свет: всё условия да приличия. Скольких людей уже погубили!

Марья Александровна

. Ну, да что же вам смотреть на свет?

(В сторону.)

Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылезшая козявка уже думает, что он аристократ. Вот всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, как говорит!

Собачкин

. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право, нельзя, всё как-то... Ну, понимаете... Станут говорить: «Ну вот, женился черт знает на ком...» Да со мной, впрочем, всегда такие истории. Иной раз, право, совсем не виноват, с своей стороны решительно ничего... ну, что ты прикажешь делать?

(Говорит тихо.)

Ведь вот по вскрытии Невы всегда находят две-три утонувшие женщины, — я

уж только молчу, потому что в такую еще впутаешься историю!.. Да, любят; а ведь за что бы, кажется? лицом нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна

. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хорош.

Собачкин

(усмехается)

. А ведь вообразите, что, еще как был мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдет без того, чтобы не ударить пальцем под подбородок и не сказать: «Плутиска, как хорош!»

Марья Александровна

(в сторону)

. Прошу покорно! Ведь вот насчет красоты тоже — ведь моська совершенная, а воображает, что хорош.

(Вслух.)

Ну, так послушайте же, Андрей Кондратьевич, с вашею наружностью можно это сделать. Мой сын влюблен до дурачества и воображает, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли как-нибудь, знаете, представить ее не в том виде, как-нибудь эдак, что называется, немножко замарать? Если вы, положим, не произведете на нее действия и она не сойдет с ума от вас...

Собачкин

. Марья Александровна, сойдет! Не спорьте, сойдет! Я голову дам отрубить, если не сойдет. Я вам скажу, Марья Александровна, со мной не такие бывали истории... Вот еще на днях...

Марья Александровна

. Ну, как бы то ни было, сойдет или не сойдет, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы с нею в связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкин

. До вашего сына?

Марья Александровна

. Да, до моего сына.

Собачкин

. Да.

Марья Александровна

. Что «да»?

Собачкин

. Ничего, я так сказал «да».

Марья Александровна

. Разве вы находите, что это для вас трудно?

Собачкин

. О нет, ничего. Но все эти влюбленные... вы не поверите, какие у них несообразности, неуместные ребячества разные: то пистолеты, то... черт знает что такое... Конечно, я не то чтобы этим как-нибудь... но, знаете, неприлично в хорошем обществе.

Марья Александровна

. О! насчет этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до того.

Собачкин

. Впрочем, я так только заметил. Поверьте, Марья Александровна, я для вас, если бы пришлось точно порисковать где жизнью, то с удовольствием, ей-Богу, с удовольствием... Я так вас люблю, что, признаться сказать, даже совестно, — вы подумать можете Бог знает что, а это именно одно только глубочайшее уважение. Ах, вот хорошо, что вспомнил! я попрошу у вас, Марья Александровна, занять мне на самое короткое время тысячки две. Черт его знает, какая дурацкая память! Одеваясь, все думал, как бы не позабыть книжку, нарочно положил на стол перед глазами. Что прикажете: всё взял — табакерку взял, платок даже лишний взял, а книжка осталась на столе.

Марья Александровна

(в сторону)

. Что с ним делать? Дашь — замотает, а не дашь — распустит по городу такую чепуху, что мне никуды нельзя будет носа показать. И мне нравится, что еще говорит: позабыл книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего делать, нужно дать.

(Вслух.)

Извольте, Андрей Кондратьевич; обождите только здесь, я вам их сейчас принесу.

Собачкин

. Очень хорошо, я посижу здесь.

Марья Александровна

(уходя, в сторону)

. Без денег ничего, мерзавец, не может сделать.

Собачкин

(один)

. Да, эти две тысячи теперь мне и очень пригодятся. Долгов-то я отдавать не буду: и сапожник подождет, и портной подождет, и Анна Ивановна тоже подождет; конечно, раскричится, ну да что ж делать? нельзя же деньги сорить на все, с нее довольно и любви моей, а платье, она врет, у нее есть. А я сделаю вот как: скоро будет гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну да ее всякий уж видел и знает, а есть, говорят, у Иохима, только еще что вышла, последней моды, еще он даже никому не показывает. Если прибавлю эти две тысячи к моей коляске, так я могу ее и весьма выменять. Так я, знаете, какого задам тогда эффекту! Может быть, на всем гулянье всего и будет только одна или две такие коляски! Так обо мне везде заговорят. А между тем нужно подумать об порученье Марьи Александровны. Мне кажется, благоразумнее всего начать с любовных писем. Написать письмо от имени этой девушки, да и выронить как-нибудь нечаянно при нем или позабыть на столе в его комнате. Конечно, может выйти как-нибудь плохо. Да, впрочем, что ж? надает ведь только тузанов. Тузаны, конечно, больно, да всё же ведь не до такой степени, чтобы... Да ведь я могу и удрать, и если что — в спальню Марьи Александровны и прямо под кровать; и пусть-ка он оттуда меня вытащит! Но, главное, как написать письмо? Смерть не люблю писать! то есть просто хоть зарежь! Черт его знает, так, кажется, на словах все бы славно изъяснил, а примешься за перо — просто как будто бы кто-нибудь оплеуху дал. Конфузия, конфузия, — не подымается рука, да и полно. Разве вот что? у меня есть кое-какие письма, еще недавно ко мне писанные: выбрать, которое получше, подскоблить фамилию, а на место ее написать другую... Что ж, чем же это не хорошо? право! Пошарить в кармане, — может быть, тут же посчастливится найти именно такое, как нужно.

(Вынимает из кармана пучок писем.)

Ну, хоть бы это, например

(читает)

: «Я очинь слава Богу здорова но за немогаю от боле. Али вы душенька совсем пазабыли. Иван Данилович видел вас душиньку в тиатере и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Черт возьми! кажется, правописанья нет. Нет, этим, я думаю, не надуешь.

(Продолжает.)

«Я для вас душинька вышила подвязку». Ну, и разносилась с нежностями! Что-то буколического много, Шатобрианом пахнет. А вот, может быть, не будет ли здесь чего-нибудь?

(Развертывает другое и прищуривает глаз, стараясь разобрать.)

«Лю-без-ный друг!» Нет, это, однако ж, не любезный друг; что же, однако ж?

Нежнейший, дражайший? Нет, и не дражайший, нет, нет.

(Читает.)

«Ме, ме, е... рзавец». Хм!

(Сжимает губы.)

«Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженные мною на мелочную лавочку деньги, которые я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа

(последнее слово читает почти сквозь зубы)

... то я тебя в полицию». Черт знает что! Вот уж просто черт знает что! Вот уж именно ничего нет в этом письме. Конечно, обо всем можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженьями такими, которые бы не оскорбляли человека. Нет, нет, все эти письма, я вижу, как-то не то... совсем не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильного, где виден кипятик, кипятик, что называют. А вот, вот, посмотрим это.

(Читает.)

«Жестокий тиран души моей!» А, это что-то хорошее, однако ж. «Тронься сердечной моей участью!» И преблагородно! ей-Богу, преблагородно! Ведь вот видно воспитанье! Уж по началу видно, кто как себя поведет. Вот как нужно писать! Чувствительно, а между тем и человек не оскорблен. Вот это письмо я ему и подсуну. Далее уж и читать не нужно; только не знаю, как бы выскоблить так, чтобы не было заметно.

(Смотрит на подпись.)

Э, э! вот хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! Это и подписать. Каково обделалось дельце само собою! А ведь говорят — наружность вздор: ну, не будь смазлив, не влюбились бы в тебя, а не влюбившись, не написали бы писем, а не имея писем, не знал бы, как взяться за это дело.

(Подходя к зеркалу.)

Еще сегодня как-то опустился, а то ведь иной раз точно даже что-то значительное в лице... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсем был похож на Багратиона. Вот не знаю, как запустить бакенбарды: так ли, чтобы решительно вокруг было бахромкой, как говорят — сукном обшит, или выбрить всё голым, а под губой завести что-нибудь, а?